

**БАХЫТЖАН
КАНАПЬЯНОВ**

1 2011

29044к

КУРЯНТЫ НЕБЕС

Бахытжан КАНАПЬЯНОВ

КУРАНТЫ НЕБЕС

ПРИТЧИ
•
РАССКАЗЫ
•
ПОВЕСТИ

АЛМАТЫ
«ЖИБЕК ЖОЛЫ»
2010

ББК 84 (5 Каз) Р-5
К 16

Канапьянов Б. М.
К 16 Куранты небес. Притчи, рассказы, повести. – Алматы:
ИД «Жибек жолы», 2010. – 440 с.

ISBN 9965-754-40-5

В новую книгу художественной прозы Бахытжана Канапьянова вошли притчи, рассказы, повести, известные читателю по публикациям в периодической печати Казахстана и России – в журналах «Простор», «Нива», «Книголюб», «Юность», «Дон», «Дети Ра», а также в альманахах «Литературная Азия» и «Литературная Алма-Ата».

Эти художественные произведения впервые выходят отдельной книгой.

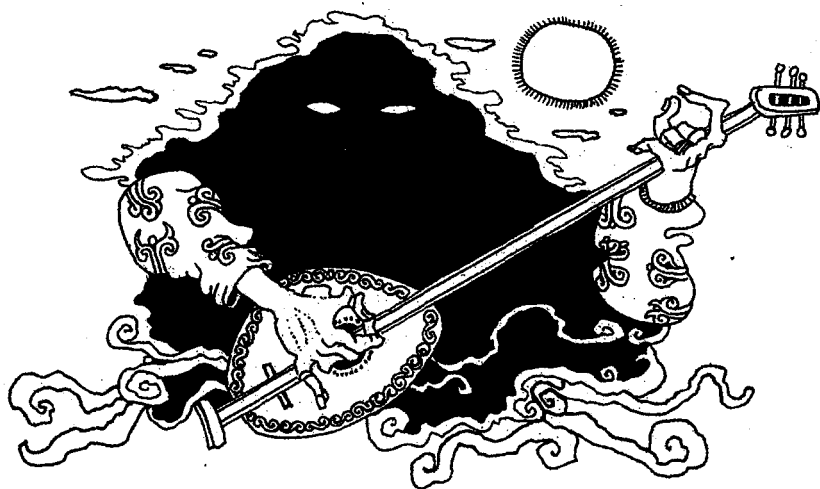
ББК 84 (5 Каз) Р-5

К $\frac{0503020600}{430(05) - 10}$ без объявл. – 2010

ISBN 9965-754-40-5

© ИД «Жибек жолы», 2010
© Канапьянов Б., 2010

ПРИТЧИ И РАССКАЗЫ

УРЮК И ТОПОЛЬ

Урюк расцвел раньше, чем распустились листья.

Пирамидальный тополь с высоты своего роста

усмехнулся:

— Ударят заморозки, и людям не видать
твоих сладких плодов.

Урюк угрюмо молчал,

погруженный в розовую пелену цветов.

Через несколько дней ударили заморозки.

И однажды утром урюк ответил тополю:

— Возможно, ты и прав,

Люди не познают вкуса моих плодов.

Но они почувствовали весну

раньше обычного.

Цветы мои

живут в глазах людей,

ибо устали они зябнуть в холоде долгой зимы.

Так говорил урюк.

Но тополь не слушал его. Ему было некогда.

Он уже пускал белый пух на мостовые города.

1978 г.

ТАУГУЛЬ

Она была дочкой ночного сторожа катка,

Их дом находился
в окружении голубых елей,
и по утрам
у ее окна
пахло росой и хвоей.

Ее школа была у подножья гор, в городе.

Но скучно ей было в низине,
Сразу после школы она спешила наверх.

Там забиралась на пустую скамейку

И смотрела, как занимаются ее сверстники –
фигуристы.

Одна мелодия сменяла другую.

Пары в ярких костюмах
кружились на голубом льду.

Фигуристы жили в городе,

и тренер

после тренировки отводил их к автобусу.

А они, садясь в автобус,

с завистью смотрели на девочку,
оставшуюся на катке.

А ночью, когда выключали прожекторы,

она выбегала с коньками из дома
и... выходила на лед.

Освещенная мягким светом луны,

она кружилась

на своих стареньких конечках

под ревуший аккомпанемент горной речки.

Горы внимали этой музыке,
прижавшись, как исполины,
друг к другу,
Отец спал в пустой раздевалке.
Ему не от кого, да и незачем
было охранять каток и свою дочь.
Родившаяся в горах, она и жила сейчас
под небом своего детства.
Она кружилась...
А там, в низине, глядя на танец
пробуждающейся юности,
яркими огнями рукоплескал город.
Это была ее ночь. Это были ее горы. Это был ее лед.
И звали ее Таугуль – Горный цветок.

1978 г.

ЗЕЛЕНАЯ МУЗЫКА НОЧИ

Мальчик стоял под окнами и слушал, как играла девочка на скрипке.

Музыка сливалась с пеньем арыка, шелестом листвы, дыханьем мальчика.

Он стоял в тени, прислонившись к карагачу, и старый карагач, чувствуя сердце мальчика, тихо стучал ветками в окно:

– Еще..., пожалуйста, еще...

Они выросли. Разъехались. И только карагач все стучит и стучит в темное молчаливое окно.

Подойдите и прислушайтесь к шуму листвы.

Слышите?..

Это зеленая музыка ночи.

1978 г.

ЗЕЛЕННЫЕ НОЧИ

“Любовь моя, цвет зеленый”.

Федерико Гарсиа Лорка

У каждого свои ночи.

У тебя – зеленые.

Зеленые ночи юности и надежд;

когда за спиной нет ничего, кроме детства,

когда тебе меньше двадцати

и ты

открываешь окно после вечернего летнего дождя,

и в комнату хлынет ночная прохлада.

Ее чувствуешь всей кожей, смуглой от загара.

Яблоня у окна вздохнет листьями,

и на них задрожат

крупные капли прошедшего дождя.

Одна упадет на твои пересохшие губы.

Как холодит она!

Ты почувствуешь привкус ночи.

Яблони ждут твоего часа.

В них зарождаются

самые совершенные плоды на нашей земле –

яблоки.

А тебе меньше двадцати...

Твое красное яблоко уже где-то зреет.

Светлой осенью ты найдешь его,

может, вон за теми кустами,

может, в далеком ущелье в горах.

Где – неизвестно, но найдешь.

И подаришь самому дорогому человеку.
А пока – ты открываешь окно
и вдыхаешь прохладу зеленых ночей.
Никто не знает, что ты пишешь стихи.
Ни мама, ни сестры, ни она.
По ночам ты к порогу ее квартиры
кладешь влажные тюльпаны,
а по утрам проходишь мимо
с гордым независимым видом.
Но твои острые плечи выдают
напряженность и скованность.
Ты потом поймешь, что любить –
это прекрасно!
Но сейчас тебя мучат муки
первой безответной любви.
О твои зеленые ночи!
Они учили тебя стихам.
Ритм, мелодичность и даже рифмы
навевались пенем арыков, шелестом листвы.
Будущие строки вспыхивали,
как огни реклам ночного города,
как отражения проезжающих машин
в витринах спящих магазинов.
И – снова ночь без сна.
Опять просидишь над исчерканным листком бумаги.
Горы заставили тебя поднять глаза от земли,
когда в первый раз тебе стало трудно в жизни.
Потом укоренится в тебе эта суровая привычка –
глядеть на горы, на их вечно зовущие вершины.
О твои зеленые ночи!
Ты однажды услышишь строчки:
«Любовь моя, цвет зеленый,
Зеленого ветра всплески» –
Они жили подсознательно в тебе.
Ты потом узнаешь,
что их написал Лорка,

что никто не знает, где его могила.
И ты поклянешься,
что найдешь могилу поэта
и положишь на нее цветущую ветку яблони
из своего родного города.
Зеленые ночи Алма-Аты...
В них начало твоей Родины.
Ты очень скоро убедишься в этом,
как узнал однажды в детстве,
что мир не кончается за кирпичной стеной двора.
Но это будет потом.
А пока у тебя зеленые ночи детства и юности.
А пока тебе снится Ночной Прохожий.
Скажет тебе он однажды:
«Я – Ночной Прохожий.
Я появляюсь по ночам,
я рождаю в людях вопросы
и сам спешу им помочь –
найти ответ.
В зеленых ночах таятся
мои мысли, мои чувства, моя жизнь.
Я днем невидим,
потому что люди днем суетливы.
Они замыкаются в себе,
может быть, стесняясь яркого света.
Им трудно быть до конца откровенными,
когда светит солнце.
Они раскрывают себя только по ночам.
Ночь располагает людей к этому.
Луна смягчает резкие очертания нашего мира.
И потому я – Ночной Прохожий.
Я – человеческая откровенность,
обнаженность человеческих душ,
их раскованность.
Человек рождается раскованным.
Я говорю о раскованности детства.

«Я родом из детства!»
Это сказал человек,
который боль и радость планеты
принимал,
как боль и радость своего сердца.
Это сказал Экзюпери.
Все вы родом из детства,
независимо
какой бы нации ни были,
в какой бы ни жили стране.
Все мы родом из детства!
Но человек растет.
Его мир раздваивается
на мир внешний и мир внутренний.
Раздваивается из-за общения с окружающими.
Конечно, невозможно, чтобы человек
вырос идеально цельным.
Да я и не хочу его видеть таким.
Он неуязвим лишь в детстве.
Но я хочу, чтобы он,
мой неизвестный человек,
каждую ночь
получал хотя бы несколько капель
той самой детской раскованности,
которая утрачивается с годами.
Помоги ты мне в этом...»

1979 г.

ДЕВЯТОЕ МАЯ

Он шел на зов песни,
звуки которой застали его при выходе из метро.
Шел прямо, не сутулясь,
глядя невидящим взором поверх всего земного.
Шел походкой обреченного, но гордого человека.
На нем не было пресловутых черных очков.
И только тоненькая трость выдавала в нем слепого.
Трость тревожно простукивала землю.
Землю, покрытую бетоном.
Он остановился на краю мостовой,
выжидая,
когда по проспекту,
разделяющему его со сквером Большого театра,
пройдет бурный поток машин.
Но машины не проносились.
Было тихо и тревожно.
И только все яснее доносились звуки песни.
Песни, зовущей его.
И ветеран... пошел навстречу ей.
Постовой-регулировщик,
стоя лицом к машинам,
застыл по стойке «смирно»,
отдавая ветерану честь.
«Волги», «кадиллаки», «ягуары», «форды» —
все машины различных марок и цветов,
урча выхлопными газами,
еле сдерживали себя,
готовые в любой момент
сорваться с места.

MAM. 51

В них сидели министры и начальники,
спешащие в главки и управления.
Послы и дипломаты,
везущие друг другу
в посольства
ноты недоразумений.
Решающие проблемы мира и войны,
подписывающие договоры о дружбе и сотрудничестве.
Все флаги мира и государств,
пестревшие на флагштоках машин,
поникли
в знак уважения
перед
Ветераном Второй Мировой Войны.
Тянулась минута вечности.
А человек шел.
Шел на зов песни.
Она уже гремела у колонн Большого театра.
«День Победы
Порохом пропах.
Это праздник
С сединою на висках.
Это радость
Со слезами на глазах».

1979 г.

ГОРЕ

К человеку горе приходит внезапно
и потому оно всегда неожиданно, горе.
Ты испытываешь самые горчайшие минуты в жизни.
Испытываешь неосознанно,
хочешь заслониться от него руками,
а оно бесцеремонно расталкивает
твои вытянутые руки
и ползет, как ядовитый дым,
от которого слезятся глаза и краснеют веки.
Ты спотыкаешься, пятишься от него
и натыкаешься на близких тебе людей,
которых в тот же час захлестнет
эта свирепая волна скорби.
Ты ищешь, как впотьмах, за что бы удержаться,
чтобы не смыло тебя,
чтобы не нависал потолок вертикальной стеной,
чтобы заглушить в ушах
теперь уже вечный,
разрывающий перепонки и нервы
воплъ «скорой помощи».
И будет ночами звучать ее рев,
сливаясь со стоном бессонного сердца.
Ты пока еще не осознал,
что смерть уже нацепила
своими ледяными пальцами
ярлык на шею того,
чьи вещи еще не остыли.
Ярлык с мертвой надписью «Был» —

вместо живого слова «Есть!»
А когда осознаешь это,
схватишься за голову,
сожмешь ее тисками рук и взвоешь:
– Почему? Почему? Почему это произошло?
Но молчат мрачные стены квартиры,
лишь известят о глубокой ночи
тремячасовым боем часы,
лишь скрипнешь зубами себе в ответ
и будешь ждать спасительного утра,
когда наступающий день
заслонит все это до следующей ночи...

II

Люди! Живые, здоровые люди!
Уравновешенные жизнью и судьбой.
Обыденность не оставляет следов
в вашей памяти и на лицах.
Но откуда тогда и почему
на молодом красивом лице
через тридцать – сорок лет
появляются старческие морщины?
Почему
через это же время
стройная осанка
сменяется сутулой фигурой?
Почему
когда-то крепкие выносливые ноги
семят шаркающим шагом?
Значит, было тяжелое бремя испытаний.
Значит, была горечь утрат и потерь.
Значит, обрушивалась невыносимая скорбь
на ваши плечи и головы.
Значит, и белая плоскость обыденности
исчеркана молниями бед.

Значит, затягивало и вас
из этого пространства
в удушливую щель мрачного подземелья.
Значит, заламывали и вы от горя пальцы,
вопрошая:
– Ну, почему? Ну, почему? Ну, почему это
случилось?
Значит, было все это, если обнаруживаешь
такие следы
на лицах человеческих.
Значит, есть не только
вспыхивающий миг радости,
но и протяжное эхо горя.
Значит, есть и траурная, черная сторона
зеркала жизни.
Как ты справляешься с этим, человек?
Я все еще у него в плену.
Я стараюсь ночами заглушить это.
День отодвигает его,
как громоздкий шкаф,
куда-то туда,
за угрюмый вечер предчувствия.
А ночью опять
раскрытые дверцы
принимают в свои скрипучие объятия...
Как ты справляешься с этим, человек?

1979 г.

ДИКТОР

Он работал всю жизнь на радио.
Читал последние известия.
Добрые и тревожные вести с разных континентов.
Говорил о трудовых успехах своей страны,
о новостях культуры и спорта...
А в конце передачи сообщал:
«По сведениям Гидрометцентра
ожидается безоблачная ясная погода, без осадков»,
Или – «Ожидается дождь, гроза».
Но чаще всего он передавал ту погоду,
которая была нужна людям.
Люди привыкли к нему.
Они узнавали его ровный уверенный голос,
Но не знали в лицо.
Им и в голову не приходило,
что диктор невысок ростом, в очках.
Поседевший человек
со спокойным, вселяющим надежду голосом.
Пришло время ухода на пенсию.
Сослуживцы накрыли стол в кабинете директора,
решили устроить по этому случаю
небольшой прощальный ужин.
Настала минута,
когда диктор в последний раз сел за пульт
передачи.
Сообщив последние новости,
тревожные вести из-за океана,
он сказал:

«Над всей страной сегодня ясная,
безоблачная погода, но...»

И здесь голос диктора дрогнул:

«...я сегодня последний раз выступаю перед вами.

За сорок лет работы мне было больно сообщать,

что где-то люди все еще убивают друг друга,

что где-то раздается плач ребенка

у тела мертвой матери.

Прошу простить,

Что вам пришлось слышать от меня

о многочисленных жертвах ушедшей войны,

о разрушенных городах и селах.

Прощаясь с вами, я говорю:

берегите мир,

берегите нашу планету,

берегите нашу Землю.

Она уже бессильна

перед нашим разумом, люди.

Относитесь к ней

как к своей матери.

Будьте добры и здоровы!

Пусть тот, кто теперь будет сообщать

вам последние известия,

никогда не произнесет

самого страшного слова на нашей Земле –

война!»

Диктор встал и, не глядя ни на кого,

направился к выходу.

Он не остался на торжество.

Оно ему было уже ни к чему...

1979 г.

ЗВЕЗДОПАД

Когда мы летели обратно, то наш самолет, чтобы заправиться горючим, совершил посадку поздней ночью в аэропорту города Волгограда.

Был август. Время звездопада. И мы не успевали озирать усеянное крупными звездами небо Поволжья. То в одном, то в другом месте бездонного космического пространства пролетали яркие, колючие звезды, исчезая где-то там, за горизонтом.

— Загадывайте желания! — крикнул один из летчиков, которые возвращались вместе с нами после отработанной вахты с района ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

Я не знаю, какие желания были у моих друзей, но, наверное, каждый из нас загадал сокровенное — чтобы многострадальная земля Чернобыля была скорее возвращена к жизни.

Чтобы мифическая и роковая звезда Полярная канула в Лету.

Пока заправляли самолет, тот самый летчик, который вместе с нами загадывал желания, поведал случай, что однажды произошел на высоте полета гражданского самолета, командиром экипажа которого был он.

Он тогда служил в гражданской авиации, и так случилось, что у одной из пассажирок начались роды. Все, кто находился в салоне, старались помочь, чем только могли. Среди пассажиров нашелся врач, он освободил хвостовую часть салона. Стюардессы кипятили воду, стерилизовали салфетки...

— А я находился в кабине и, сжимая штурвал, может быть, впервые не умом, а сердцем понял, что значит рождение нового человека. Малыш, думал я, крик твоего рождения раздался на той высоте человеческого гения, к которой стремились люди многих поколений. Их глаза устремлены вверх с того самого момента, когда наш ископаемый предок со смутными чертами человеческого облика впервые оторвал свои неуклюжие руки от земли. Каково же было его изумление, когда он, может быть, впервые увидел бездонную синюю высь космического пространства!

В этом пространстве ты и родился, малыш!

Будь же достоин, породившей тебя высоты. Будь выше мрачного прошлого, последствия которого и до сих пор дают о себе знать. Это — войны, не признание одной нацией другой, голод, человеконенавистничество и многое другое, что по своей природе чуждо понятию Человек.

Будь же выше всего этого, малыш!

Будь Человеком!

1986 г.

